

ОЛЕГ ЯКУБОВ

ВОЛЧЬЯ СТАЯ

КРОВАВЫЙ СЛЕД
ТЕРРОРА

Якубов Олег Александрович

Волчья стая –

Кровавый след террора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22214861

Аннотация

...Высоко над трамвайными проводами, даже не задев их, взлетел белый автомобиль. Зависнув на мгновение и в воздухе, машина плавно начала снижаться, и только после ее соприкосновения с землей раздался оглушительный взрыв, а к небу взметнулся столб огня. В феврале 1999 года в Ташкенте была предпринята попытка покушения на президента Узбекистана Ислама Каримова. В сентябре того же года в Москве от взрывов жилых домов погибли сотни людей. Связаны ли между собой взрывы в Узбекистане и в России, кто стоит за террористами, незримо управляя их кровавыми действиями? Об этом книга журналиста-международника О.Якубова, написанная в жанре политического детектива. Олег Якубов – автор нескольких книг, киносценариев, его журналистские репортажи и расследования известны читателям многих стран мира.

Содержание

Пролог..... 4

Часть первая

ВЗРЫВ..... 6

Глава первая..... 6

Глава вторая..... 8

Глава третья 9

Глава четвертая..... 12

Глава пятая..... 14

Глава шестая..... 19

Глава седьмая..... 22

Глава восьмая..... 26

Часть вторая

ЧАСТНОЕ

РАССЛЕДОВА-

НИЕ..... 31

Глава первая. Узбекистан—Изра-
иль..... 31

Глава вторая. Компьютерный поиск
..... 35

Глава третья. Информационная война-1
..... 41

Глава четвертая. Информационная вой-
на-2..... 48

Глава пятая. Террорист номер

Один.....	57
Глава шестая. Паутина.....	70
Глава седьмая. Бандиты.....	80
Часть третья	
ВОЛЧЬЯ СТАЯ	85
Глава первая. Кто есть кто.....	85
Глава вторая. Приговор	91
Глава третья. Таштюрма.....	111
Глава четвертая. Все преступники скрылись.....	115
Глава пятая. Версии рабочие и разные.....	119
Глава шестая. Разбой.....	123
Глава седьмая. Шрамы и укусы.....	130
Глава восьмая. Принцип домино.....	135
Глава девятая. Команда.....	138
Глава десятая. Вожаки.....	

Глава	одиннадцатая.	Счет	пошел	на
дни.....		146		
Глава	двенадцатая.	Единым		фрон-
том.....		151		
Глава	тринадцатая.	Готовность		номер
один.....		155		
Глава	четырнадцатая.	Часы		пуще-
ны.....		157		
Глава	пятнадцатая.			«Почти
амир».....		160		
Глава	шестнадцатая.			Час
«икс».....		161		
Глава	семнадцатая.	После		взрывов-1
.....		166		
Глава	восемнадцатая.	После		взры-
вов-2.....		169		
Глава	девятнадцатая.	В		лого-
ве.....		170		
Глава	двадцатая.	По	одному	сцена-
рию.....		176		
Глава	двадцать	первая.		Волчья
стая.....		180		
Глава	двадцать	вторая.	Киргизский	вариант
.....		182		
ИЗ	ДНЕВНИКА			ТЕРРОРИ-

Пролог

Весной 1990 года решением Ленинского районного народного суда города Ташкента я был оштрафован на пять рублей. Внимательно ознакомившись с судебным постановлением, я отправился на почту, выяснил, сколько стоит перевод, и, отправив 4 рубля 97 копеек, на обороте телеграфного бланка сделал приписку: «Поскольку в решении суда не указывается, за чей счет отнести расходы почтового отправления, вычитаю из суммы 5 рублей 3 копейки на перевод».

За несколько месяцев до этого я получил вызов на постоянное место жительства в Израиль и полагал, что переводом символического штрафа ставлю точку на своих злоключениях с националистической организацией «Бирлик» («Единство»). Бирликовцы подали на меня в суд за серию репортажей о трагических ферганских событиях, произошедших в июне 1989 года. Пуще иных разозлил их репортаж под заголовком «Кто остановит бандитов?», опубликованный в республиканской газете «Правда Востока» 5 июня 1989 года и перепечатанный несколькими западными, в том числе и американскими, изданиями.

...В Фергану вместе с фотокором Леонидом Гусейновым мы вылетели ночью 3 июня, пробыли там сутки. В этом неко-

гда тихом и уютном городке мы увидели сожженные дома и десятки трупов турок-месхетинцев. Обезумевшие от слепой ярости, водки и наркотиков бандиты едва не проломил нам головы камнями, увидев, что мы забрались во двор, где пылал только что подожженный ими дом. Мы видели, как к оцеплению солдат внутренних войск подошла не спеша группа молодых людей и каждый из них, плюнув солдату в лицо, повернулся и так же не спеша удалился. У многих из молоденьких ребят с буквами «ВВ» (внутренние войска) на алых погонах текли по щекам слезы бессилия, но подчиняясь приказу командования, они стояли, не шелохнувшись. Точно так же, по стойке «смирно», стояли они, когда перед ними выступал приехавший в Фергану министр внутренних дел СССР Вадим Бакагин. Он говорил негромко, но жестко. Министр заявил, что положит конец творящимся здесь безобразиям и что к вечеру сотрудники милиции и солдаты внутренних войск получат соответствующий приказ. Его слова показались мне убедительными. В три часа ночи я узнал, что министр внутренних дел СССР Вадим Бакагин улетел из Ферганы на специальном самолете, так и не отдав никакого приказа.

Под утро я разговаривал с одним из офицеров ферганской милиции. Морщась от нестерпимой боли в перебитой железным прутом ноге, он почти кричал:

– Да опубликуйте же вы в печати, что мы беспомощны, что нас лишили возможности бороться с бандитами. Есть лишь

одно распоряжение – действовать в пределах положения о комендантском часе. Но комендантский час действует только ночью, а днем бандиты практически безнаказанно убивают, грабят. Нам запрещено стрелять, мы идем на разъяренную толпу с одними резиновыми дубинками в руках, но даже эти дубинки не можем толком использовать – в нашей служебной инструкции записано, что бить резинкой по голове категорически запрещается.

О причинах вспыхнувшего в Фергане конфликта и последующих трагических событиях в те дни писали газеты всего мира. Созданная незадолго до этого времени организация «Бирлик» проводила многочисленные митинги. Ее лидеры – доктор технических наук Абдурахим Пулатов и поэт Салай Мадаминов, подписывающий свои стихи претенциозным псевдонимом Мухаммад Солих, говорили о том, что этот разбой не что иное, как стремление сбросить вековой рабский гнет, проснувшееся национальное самосознание узбекского народа. В моей статье «Кто остановит бандитов?» бирликовцы усмотрели угрозу национальным интересам и подали исковое заявление в суд. По ночам какие-то люди звонили мне по домашнему телефону и грозили убийством, к зданию районного суда националисты подъезжали в специально арендованных автобусах и перед входом разворачивали транспаранты с лозунгами. Один из лозунгов был посвящен моей скромной персоне. На зеленом полотнище было начертано: «Якубов – враг узбекского народа». Маленький

зал суда не мог вместить и десятой части всех приезжающих активистов «Бирлика», и они попытались прямо у входа в здание организовать стихийные митинги, привлекая своими возгласами внимание прохожих. Судебные заседания из-за этого приходилось отменять, и процесс, яйца выеденного не стоивший, длился несколько месяцев. Наконец судья, записавшая в своем решении, что некую фразу в моем репортаже можно истолковать двояко, вынесла решение – штраф 5 рублей.

Собираясь в Израиль, я сначала долго вертел квитанцию об уплате злополучного штрафа, решая, взять ли ее с собой в качестве документального сувенира, но потом, по некотором размышлении, скомкал и выбросил...

Часть первая

Взрыв

Глава первая

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Ташкент, 16 февраля 1999 года, утро, гостиница.

Зимнее солнце сумело пробиться сквозь тучи, ветер разогнал облака, и небо окрасилось в такой нежно-голубой цвет, какой бывает только весной.

– Вы бы открыли окно, воздух сейчас – одно наслаждение, – буркнул электрик, который пришел в гостиничный номер заменить перегоревшую лампочку.

Я еще возился с оконными шпингалетами, когда где-то невдалеке раздался звук, напоминающий мощный взрыв. Задребезжали стекла, люстра под потолком ходуном заходила.

– Видно, газовый баллон у кого-то бабахнул, – предположил электрик. – У моего соседа в прошлом году вот так вот баллон взорвался, пол кухни разнесло.

Электрик еще долго повествовал мне, в какую копейчку влетел его соседу ремонт, но не успел закончить своего рассказа, как звук повторился. А спустя пару минут бабахнуло еще раз. Послышался рев сирены – должно быть, мчались пожарные машины или «скорая помощь». Мне невольно вспомнился Афганистан – уж слишком хорошо запомнил я эти страшные звуки. Но тут же отогнал от себя, как казалось, шальную мысль – какие могут быть взрывы в центре Ташкента! Я вышел из гостиницы. Куда-то бежали взволнованные или чем-то напуганные люди, одна за другой промчались не меньше десятка огненно-красных пожарных машин.

«Да я своими глазами видел, как машина выше трамвайных проводов подлетела и грохнулась», – горячо доказывал какой-то мужчина группе окруживших его людей. Через несколько минут подъехал на машине приятель – моя ташкентская командировка заканчивалась, ночью я собирался улететь, и нужно было заехать в аэропорт, забронировать место на московский рейс. Едва отъехали, дорогу нам преградил сержант ГАИ, нервозно указывая жезлом, что двигаться мы должны в обратном направлении. Пришлось подчинить-

ся. Однако не проехали и пятисот метров, как еще один сотрудник ГАИ снова изменил направление нашего движения.

–Что у вас в городе происходит? – спросил я приятеля.

–Сам толком ничего не пойму. Вроде чего-то взорвали. Говорят, на площади какая-то перестрелка была.

– Да будет тебе. Какая перестрелка, что ты сплетни всякие слушаешь, – пристыдил я его.

Приятель ничего не возразил – мы снова вынуждены были подчиниться команде милиционера и в очередной раз изменили маршрут. Исколесив чуть не полгорода, мы наконец оказались на дороге, ведущей в аэропорт. Езды нам оставалось две-три минуты, когда опять, теперь совсем рядом, раздался взрыв. Наш старенький «форд» тряхнуло, как на крутом ухабе, и занесло на обочину дороги. Благо в непосредственной близости не было ни одной машины, иначе столкновения избежать не удалось бы. Приятель что-то говорил, но я ничего не слышал – у меня заложило уши. Прошло не меньше четверти часа, пока я наконец снова обрел способность полноценно воспринимать окружающий мир. Вокруг творилось что-то невообразимое – снова мчались пожарные машины, слышались какие-то крики, вооруженные милиционеры мгновенно перекрыли дорогу. «Неужели взорвали аэропорт?» – мелькнула мысль, и я схватился за мобильный телефон, еще толком не сообразив, кому звонить. Впрочем, и дозвониться было невозможно – телефон безмолвствовал. Было совершенно очевидно, что в аэропорт, во

всяком случае в ближайшее время, мы не попадем. Развернулись и поехали в центр, опять пришлось объездными путями, и дорога вместо привычных пятнадцати минут заняла почти час.

Центр был непривычно безлюден. Казалось, кроме вооруженных милиционеров в городе никого больше нет. Я зашел в редакцию, надеясь у коллег узнать, что произошло. Но то, что услышал, звучало настолько же неправдоподобно, насколько и нелепо. Говорили, что в город прорвалась банда и что в результате взрыва погибло множество людей, количество раненых исчисляется чуть ли не сотнями. Как водится, тут же нашлись очевидцы, которые видели трупы на центральной площади.

Глава вторая

Утро того же дня, президентская трасса.

В этот день из своей загородной резиденции президент Узбекистана Ислам Каримов отправился в Кабинет министров, где на 11 часов утра было назначено совещание республиканского руководства для подведения итогов хозяйственной деятельности в 1998 году. Полоса движения президентского кортежа была освобождена, и машины мчались с привычной крейсерской скоростью 120—130 километров в час. Кортеж уже находился в городе, когда в головной машине ожила рация. «Где вы, где вы?» – вопрошал сотрудник ГАИ с поста на площади Мустакилик (Независимости).

–В связи с чем вопрос? – поинтересовался начальник охраны президента.

– Да у нас тут что-то непонятное происходит, – сообщил офицер ГАИ.

–Разберитесь толком и доложите, – последовала команда из головной машины.

Буквально через минуту в рации снова раздался тот же вопрос: «Где вы сейчас?» И не дожидаясь ответа, офицер с площади прокричал: «На площадь не заезжайте! Как поняли меня? Повторяю, на площадь не заезжайте. У нас тут взрывы... И стреляют!» В тот момент президентскому кортежу до площади оставалось ехать чуть больше минуты. Машины, не снижая скорости, свернули в одну из параллельных улиц и уже через несколько мгновений въезжали во двор рабочей резиденции. Ислам Каримов прошел к себе в кабинет, где выслушал доклад о том, что произошло на площади. Случившееся потрясло президента. Но не удивило. Один из немногих в централь-ноазиатском регионе политиков, если не сказать единственный, президент Узбекистана уже на протяжении долгого времени жил в предчувствии этой беды. Это предчувствие не было интуитивным ощущением, но основывалось на его четком, беспристрастном анализе, и Ислама Каримова поражало, приводило в негодование то, что вокруг никто, казалось, не хотел замечать надвигавшейся беды.

Услышав о взрывах, президент размышлял всего несколько минут. Он снова надел плащ и скомандовал:

–Едем! На площадь.

–Пока еще опасно, Ислам Абдуганиевич, – попытался возразить начальник охраны президента. – Обстановка до конца не ясна, мы бы хотели разобраться.

Но президент его не слушал, он уже направился к выходу. Отдавая на бегу распоряжения, начальник охраны устремился за ним. На площади президент появился в окружении охранников, вооруженных автоматами. Впервые им пришлось взять в руки тот вид оружия, которым до сих пор охранники пользовались только на тренировочном стенде.

Глава третья

Утро того же дня, площадь Мустакилик.

Эта светло-голубая старого образца «Волга-ГАЗ-21» появилась на площади неведь откуда. Позже, когда сотрудники специально созданной оперативно-следственной бригады опрашивали работников ГАИ, никто так и не смог ответить вразумительно, кто конкретно пропустил машину на площадь. Правда, внешне в ней не было почти ничего такого, что могло бы привлечь внимание. Хотя и старая колымага, но чистенькая, опрятная. Разве что багажник, как впоследствии удалось выяснить, был не закрыт, а завязан какой-то тряпицей – то ли груз мешал, то ли замок сломался, тут гадать можно разное. Машина, не превышая дозволенной скорости, проехала по площади и подкатилась непосредственно к семиэтажному зданию Кабинета министров. Ткнувшись о

высокий бордюр, «Волга» беспомощно остановилась, мотор заглох. Ну, такого безобразия гаишник

допустить не мог. Он ринулся к машине, на ходу крича:
–Куда, куда тебя занесло?! Отъезжай немедленно!

В машине находились двое. Тот, кто за рулем, приспустил боковое стекло возле себя и совершенно спокойно возразил:

–Ну как же я отъеду, ты что, сам не видишь, у меня мотор заглох.

Президентский кортеж должен был появиться на площади с минуты на минуту, какие тут могли быть рассуждения – милиционер начал лихорадочно дергать дверную ручку машины, чтобы самому разобраться, что там происходит. И в этот момент со стороны улицы, проходящей вдоль площади, раздался взрыв. Начальник милицейского поста ГАИ застыл как вкопанный. За долгие годы службы в автоинспекции ему пришлось повидать многое, но вот летающих машин видеть не приходилось. Высоко над трамвайными проводами, даже не задев их, взлетел белый автомобиль. Зависнув на мгновение в воздухе, машина, как ему показалось, плавно начала снижаться, и только после ее соприкосновения с землей раздался оглушительный взрыв, а к небу взметнулся столб огня. Замешательство не помешало офицеру связаться с президентской охраной и сообщить об опасности. Он еще не выключил рацию, когда услышал автоматные очереди.

Сержант ГАИ не видел автомобильного полета, все его внимание было поглощено застрывшей чуть ли не у цен-

трального входа в Кабинет министров «Волгой», будь она проклята.

– Вылезай, вылезай, – кричал он водителю, – я сам отгоню твою машину. – И хватал его за рукав, пытаясь вытащить наружу.

Наконец этот увалень открыл дверцу и как бы не спеша вышел из машины. На его руке болтался то ли свитер, то ли какая трикотажная кофта. Раздосадованный милиционер попытался отпихнуть неповоротливого парня, и в этот момент свитер упал на землю, а в руке у водителя «Волги» оказался автомат. Он тут же направил ствол в сторону милиционера и дал очередь поверх его головы. В это время из машины выскочил и второй бандит. Они отходили спиной, беспорядочно поливая веером из автоматов, и в итоге оказались возле мостика через быстротечный канал Анхор – оттуда легко можно было попасть на оживленный проспект Алишера Навои.

...Диля приехала на площадь утром, чтобы забрать фотографии. В пятницу вечером она гуляла здесь с подружками. Студентки медицинского училища решили сфотографироваться. Приближались весенние каникулы, им хотелось поехать домой, показать родителям свои фотографии, которые они сняли на самой красивой площади Ташкента. Долго уговаривали фотографа, чтобы он сделал карточки поскорее, но тот оставался неумолим: «Не могу, девчонки, работы очень много, раньше вторника никак не получится. А во вторник

приходите, с утра все будет готово». Сообща решили, что за фотографиями поедет Диля. Она была на хорошем счету у преподавателей, пропустит одну лекцию – ничего страшного не случится. Быстренько смотается на трамвае туда и обратно, как раз ко второй паре успеет. Судьба и злой бандитский умысел распорядились иначе, Х1Я двадцатилетней Дильрабо Халмуминовой уже никогда не будет обратного пути. Убегая с площади, бандиты отстреливались, очевидно, в спешке ни в кого конкретно не целясь, им важно было расчистить себе путь для отступления. Шальная пуля оборвала жизнь этой девочки, одной из шестнадцати погибших в тот день. Никто поначалу этого и не заметил – на площади громыхнул еще один взрыв. Это взорвалась начиненная смертоносным грузом заглохшая у Кабинета министров «Волга».

В огромном здании в этот момент находилось практически все руководство Республики Узбекистан, а также сотрудники кабинета. Участники совещания уже были в конференц-зале на шестом этаже, когда здание вздрогнуло от взрыва, посыпались стекла, ранившие многих из тех, кто был здесь. К тому моменту, когда на площадь приехал президент, эвакуация людей из здания уже подходила к концу. Ислам Каримов внимательно осмотрел образовавшуюся воронку, спросил у прибывших сюда же сотрудников прокуратуры, МВД, службы национальной безопасности:

– Удалось кого-то поймать?

–Пока нет, Ислам Абдуганиевич. Они отстреливались,

прорвались на проспект Навои, там захватили машину, потом еще одну. Мы ведем преследование, оповещены все службы.

–Ищите номера взорванных машин, – распорядился президент. – Машины кому-то принадлежат, надо искать в этом направлении...

Президент не успел закончить фразы, когда снова раздался взрыв, на этот раз со стороны стометровой телевизионной вышки. Уже через несколько мгновений по рации сообщили, что взорвана машина возле здания Национального банка Узбекистана, есть жертвы. Но, к счастью, не пострадал никто из жильцов находящейся всего в нескольких метрах от банка новой высотной гостиницы «Интер-континенталь».

Прошло еще около часа, и Ташкент потряс новый взрыв. На этот раз в районе неподалеку от аэропорта. В домах на тихой улочке Абдуллы Каххара, где произошел этот последний взрыв, не осталось ни одного целого стекла. Разворотило близлежащее кафе. Благо там не было людей: пообедав, его успели покинуть сотрудники еврейского агентства «Сохнут», чье здание находится поблизости. От кафе осталась только воронка, в самом офисе «Сохнута» выворотило оконные рамы, но сотрудники как раз находились на улице, возвращаясь после обеда на работу.

Глава четвертая

Ташкент того же дня, полдень.

Президент казался совершенно спокойным. Но только он один да, может быть, еще несколько его самых ближайших помощников знали, каким напряжением дается Исламу Каримову это внешнее спокойствие. Никто в тот день не решился бы предложить президенту выступить с телевизионным обращением к народу. Да еще сразу через несколько минут после взрывов. Он сам сказал, что едет на площадь. И что со своим народом будет говорить не из кабинета и не из телевизионной студии, а непосредственно с того места, где произошли взрывы и где погибли люди, те самые граждане страны, за которых он, президент, несет полную ответственность.

Речь Ислама Каримова была размеренной и четкой. Он говорил о том, что этот террористический акт направлен непосредственно против него и имел

своей целью физическое уничтожение президента Республики Узбекистан, свержение в стране законной власти. Президент призвал своих граждан к спокойствию, ибо террористы рассчитывают на то, что в народе начнется паника.

– Преступники будут задержаны и сурово наказаны, я обещаю вам это, – сказал президент в заключение своего обращения.

Ташкент, 16 февраля, вечер.

Поздним вечером я дозвонился до редакции одной из крупных израильских газет и продиктовал коротенькое сообщение в номер:

«Сегодня в Ташкенте неизвестными лицами был осуществлен террористический акт, ответственность за который пока не взяла на себя ни одна из террористических организаций. Было произведено пять взрывов, в результате которых пострадали общественные и жилые здания. По предварительным данным, 13 человек погибло, более ста получили ранения разной тяжести. Существует несколько версий по поводу того, кто и с какой целью совершил в столице Узбекистана это злодеяние. Однако наиболее правдоподобной и реальной выглядит версия о том, что теракт совершили религиозные экстремисты с целью уничтожения президента Узбекистана Исла ма Каримова и высших руководителей государства, захвата и свержения конституционного строя».

–Слушай, старик, а ты как в Ташкенте-то оказался? – спросил меня дежурный редактор, после того как принял мое сообщение.

–Приехал по делам, отсюда еще собирался в Москву, а потом уж домой в Тель-Авив. Но здесь такие дела...

–Может, задержишься на пару дней, наверняка какие-то подробности узнаешь, подготовишь хороший репортаж, – предложил редактор.

–Посмотрим. Может, и задержусь...

Глава пятая

Ташкент. За пять месяцев до взрывов.

14 сентября 1998 года начался официальный визит пре-

зидента Республики Узбекистан Ислама Каримова в Израиль. Накануне этого визита мне удалось встретиться с господином Каримовым в Ташкенте и по просьбе целого ряда западных изданий взять у него интервью. В день, когда состоялась эта встреча, мне позвонили из пресс-службы главы узбекского государства и предупредили:

– Президент чрезвычайно занят. Учитывая важность предстоящего визита, он на интервью согласился, но максимум времени, на который вы можете рассчитывать, – сорок минут.

В зале переговоров президент Узбекистана появился в точно назначенный срок. Конечно, учитывая ограниченное время, отведенное на интервью, мне следовало с места в карьер начать с вопросов о перспективах развития израильско-узбекских отношений. Но незадолго до этого вышла в свет книга.

Ислама Каримова «Узбекистан на пороге XXI века. Угроза безопасности, условия и гарантии сохранения стабильности, перспективы прогресса». Эта книга была переведена в разных странах на многие языки, в том числе в Израиле – на иврит. Не скрою, мне в ту пору казалось, что президент Узбекистана несколько сгущает краски, анализируя ту опасность, в которой находится его страна. И потому с вопроса о концепции безопасности я и начал интервью.

– Когда я работал над этой книгой, то прежде всего поста-

рался сам для себя ответить на три жизненно важных для Узбекистана вопроса, – начал Ислам Каримов наш разговор. – И первый из этих вопросов я сформулировал так: что сегодня представляет угрозу – в самом широком понимании этого слова – нашему государству? Второе: какие условия нам необходимо соблюсти, чтобы сохранить стабильность? И третье: что необходимо сделать для того, чтобы добиться того высокого уровня жизни, какого достигли развитые страны? Собственно, эти вопросы вечны, их приходилось и приходится решать всем нациям, народам. Сколько существует человечество, столько и возникали ситуации, представляющие угрозу для того или иного народа, страны.

Я глубоко убежден, что главным условием развития любой страны является стабильность. Политическая, финансовая, стабильность в межнациональных вопросах, стабильность гражданского согласия.

С каждым днем в условиях жизни, которые присущи сегодня странам Центральной Азии, с учетом того, что происходит сегодня вокруг нас, – я веду речь о событиях в Афганистане и Таджикистане, я говорю о религиозном фанатизме и экстремизме, то есть о том, чего мы абсолютно не приемлем, – эти события становятся для нас все более жизненно важными и актуальными. Сегодня радикальные направления в исламе приобретают особо опасные очертания. И если в книге я говорю о противостоянии религиозному фундаментализму, то в жизни мне приходится противостоять ему на

деле. Также реальных решений требует и обстановка в Афганистане. Многие склонны давать излишне мягкие определения ситуации в этой стране: афганский конфликт, афганское противостояние. Я же считаю происходящее там в течение последних двадцати лет истинной трагедией. Со времен, когда советская армия в 1979 году вошла в Афганистан, там была развязана гражданская война. Подчеркиваю, что именно оккупация советской армией Афганистана была первопричиной того, что переживает теперь народ этой страны и все соседние страны. А ведь в былые времена Узбекистана имел на Юге прекрасного спокойного соседа, – с непередаваемой горечью заметил господин Каримов. – Издревле афганцы с огромным уважением относились к узбекам, таджикам, туркменам. На лодках переправлялись они через Амударью, вели торговлю, роднились, создавали смешанные семьи, и это было в порядке вещей. Афганистан населяли тогда пусть не очень богатые, но трудолюбивые и, повторюсь, мирные люди. Сейчас же в войну втянуты все слои афганского общества, между собой борются национальные, религиозные, политические силы, кланы. Теперь здесь доминирует сила оружия, многие афганцы уже и не думают о том, что существует мирная созидательная жизнь. В этой стране выросло целое поколение, которое умеет только стрелять, и весь ужас заключается в том, что только в войне они находят единственный смысл жизни и единственную форму существования. И неужели мировое сообщество не замеча-

ет, как с каждым днем усугубляется эта трагедия! Ведь конфликт давно уже вышел за рамки отдельной страны. Неужто никто не замечает, что в Афганистане создан международный полигон для подготовки экстремистов, террористов, фанатиков, нацеленных на уничтожение человека. Неужто Европу не волнует, что страны континента больше чем на 80 (!) процентов снабжаются наркотиками из Афганистана. А чего стоит афганский «экспорт» боевиков! Сегодня моджахеды воюют во всех горячих точках: они стреляют в Чечне, пытаются взорвать Дагестан, дерутся в Боснии, Косово. И я еще раз утверждаю, что нельзя, недопустимо рассматривать трагедию Афганистана как некий локальный конфликт. Меня совершенно искренне обижает, что никто, по сути дела, не предпринял ни одной достаточно серьезной попытки разрешить этот конфликт на международном уровне. Ведь какую замечательную солидарность и сплоченность проявляют европейские страны, когда вооруженные конфликты возникают в самой богатой Европе или ее сытом подбрюшьи. Собираются, находят политические решения и даже материальные средства для предотвращения или прекращения конфликта. И в то же время дружно не понимают того, что происходит в Афганистане. Согласен, это другой регион, но по сути дела эта страна стала не только поставщиком «белой смерти», но и фанатиков, представляющих чисто физическую угрозу всему миру. И если международное сообщество этого не замечает, то у меня возникает вопрос: а нет ли здесь

двойного стандарта?

–Что вы имеете в виду, господин президент? – спросил я тогда Ислама Каримова. Прекрасно понимая, какой последует ответ, и удивляясь тому, как четко и остро обнажил этот политик проблему, которую и впрямь весь мир, словно сговорившись, перестал замечать.

–Срабатывает извечный принцип – своя рубашка ближе к телу, – пояснил Ислам Каримов. – Я ведь только что отметил, что когда беда случается в Европе, то применяются все современные средства. А когда война идет в Афганистане, когда наркотики и боевики из этой страны расползаются по всему миру, никто этого не замечает. А как можно не видеть того, что масштабы афганских событий уже угрожают всему цивилизованному миру. А безопасность не может быть разделимой регионально, она не имеет границ.

И проводить страусиную политику крайне опасно, ибо пострадать от этого могут не только отдельные регионы, но и человечество в целом.

–Но ведь ракетный удар Соединенных Штатов по Афганистану – подтверждение того, что конфликт действительно перешел региональные границы, не так ли? – снова задал я вопрос.

Не так, вернее, не совсем так, – возразил президент. – Вы задали вопрос напрямую, я прямо на него и отвечаю. Обстрел американцами баз террористов, в соответствии с нормами международного права, соотносится с тем, что каждая стра-

на имеет право защищать себя и своих граждан. Но такой удар и такую акцию США должны были согласовать с Советом Безопасности ООН. И тогда этот шаг Америки был бы более действенным и эффективным. Ведь речь идет не о том, чтобы уничтожить один полигон боевиков в Афганистане. Именно решение Совета Безопасности ООН придало бы действиям особую значимость и отрезвляюще подействовало бы не только на тех, по кому нанесен удар, но и на тех, кто сегодня пыжится, пытаясь доказать, что эти удары – не политическая акция, а всего лишь американский беспредел. Выскажу и еще одно свое убеждение: я считаю, что борьбу с терроризмом, религиозным фанатизмом, радикализмом нельзя вести методами разовых ударов. Здесь должна быть введена международная система неотвратимости наказания. А то ведь получается, что Узбекистан в своем стремлении бороться в соответствии с международными правовыми нормами остается чуть ли не в одиночестве, ибо мощные развитые государства не используют механизм Совета Безопасности ООН, дабы создать действенную систему борьбы с крайним радикализмом, национальным фанатизмом, терроризмом.

Политологи разных стран все чаще говорят о том, что Узбекистан представляет собой уникальное явление на мусульманском Востоке, отличаясь взвешенной, умеренной политикой, отмечая при этом нашу целеустремленность в осуществлении этой политики. И я, как президент, вижу пер-

спективы своего народа, который доверил мне свою судьбу и которому я за это доверие бесконечно благодарен. Поэтому, когда речь идет о моей позиции, то следует понимать, что это позиция моего народа, а посему я отвергаю даже самую мысль о каких-либо компромиссах, когда речь идет о судьбах не только нынешнего, но и будущего поколения. Того поколения, которому должна быть гарантирована спокойная жизнь, жизнь, которой никто и ничто не угрожает. И было бы неверно говорить, что это политика Каримова. Это прежде всего политика народа.

Именно это интервью с президентом Республики Узбекистан Исламом Каримовым я вспомнил спустя пять месяцев, 16 февраля 1999 года, после того как в Ташкенте прозвучали взрывы. Не открою ничего нового, если скажу, что сила политика, а тем более политика, стоящего во главе государства, заключается в том, насколько он обладает даром предвидения. Не предугадывания ситуации, а именно ее предвидения и прогнозирования на основе четкого анализа множества факторов и фактов. Практически разрабатывая и теоретически обосновывая концепцию безопасности своего государства, президент Каримов был озабочен тем, чтобы Узбекистан не оказался в некоей политической изоляции. Любые меры по борьбе с внутренней оппозицией воспринимались Западом как нарушение узбекским руководством прав личности. В средствах массовой информации по любому такому поводу начиналась сушная истерия. Да что там истерия! На-

зову вещи своими именами ~— эта была натуральная травля правительственного режима. Узбекистану навешивались ярлыки полицейского государства, где «на корню душат демократическую оппозицию». Но именно он, президент Ислам Каримов, как никто иной понимал, что все эти выпады против его страны лишь развязывают руки тем истинным противникам современного Узбекистана, кто, уже не скрываясь, всерьез заговорил о свержении существующего конституционного строя, о провозглашении в республике исламского государства. Президент Каримов понимал, что удар возможен и стране придется его отражать. И этот удар был нанесен по Узбекистану 16 февраля 1999 года.

Глава шестая

Ташкент, 16 февраля 1999 года, первая половина дня.

Из пункта А, то бишь из дома № 22 по улице Абдуллы Каххара, находившегося неподалеку от ташкентского аэропорта, в пункты Б, В, Г и Д одновременно выехали четыре автомашины, начиненные взрывчаткой, — «Волга-ГАЗ-21» и три «Запорожца». Все они направились в центр города. В центре машины рассредоточились. Одна из них направилась к зданию Министерства внутренних дел, две других к площади Мустакилик (Независимости), четвертая — к высотному зданию Национального банка Узбекистана (НБУ). Первый взрыв прогремел на улице Педагогической, возле здания МВД.

Из документов следствия:

«Место взрыва – улица Юсуф Хос Хотиба (бывшая Педагогическая). Время приведения взрывного устройства в действие – 10 часов 40 минут.

Взрывное устройство – заряд самодельного взрывчатого вещества весом до 200 килограммов. Исполнительный механизм – часовой с таймером замедления, уложенный в салоне автомобиля марки «ЗАЗ-968М» цвета «рубин».

Параметры взрыва – ударная волна действовала на расстоянии около 200 метров от эпицентра взрыва.

Размер взрывной воронки – диаметр по верху 3,1 метра, по низу воронки — 2,7 метра, глубина воронки 1,2 метра».

Спустя пятнадцать минут прогремел еще один взрыв, на сей раз возле клуба «Аладдин», откуда есть прямой проезд к площади Мустакилик.

Из документов следствия:

«Место взрыва – проспект Шарафа Ваши-дова, в 20 метрах от станции метро «Площадь Мустакилик».

Время приведения взрывного устройства в действие – 10 часов 55 минут. Взрывное устройство – заряд самодельного взрывчатого вещества весом до 200 килограммов, уложенный в салоне автомашины «ЗАЗ-968М» белого цвета. Параметры взрыва – ударная волна действовала на расстоянии около 200 метров от эпицентра взрыва.

Размер взрывной воронки – овальной формы 1,8 – 3,1 метра, глубина – 0,75 метра».

Всего через три минуты раздался еще один оглушительный взрыв, на этот раз непосредственно возле здания Кабинета министров Республики Узбекистан.

Из документов следствия:

«Место взрыва – угол здания Кабинета министров.

Время приведения взрывного устройства в действие – 10 часов 58 минут. Взрывное устройство – заряд самодельного взрывчатого вещества весом до 400 килограммов, уложенный в салоне автомашины «Вол-га-ГАЗ-21» голубого цвета. Параметры взрыва – ударная волна действовала на расстоянии около 200 метров от эпицентра взрыва.

Размер взрывной воронки прямоугольной формы – 2,7—3,2метра, глубина – 1,2 метра».

Президент Узбекистана Ислам Каримов уже находился на площади Мустакилик, когда раздался четвертый, но, как потом выяснилось, не последний взрыв этого дня.

Из документов следствия:

«Место взрыва – улица Амира Тимура, в торце здания Национального банка внешнеэкономической деятельности Узбекистана. Время приведения взрывного устройства в действие – 11 часов 20 минут. Взрывное устройство – заряд самодельного взрывчатого вещества весом до 200 килограммов, уложенный в салон автомашины «ЗАЗ-968М» белого цвета.

Параметры взрыва – ударная волна действовала на расстоянии около 200 метров от эпицентра взрыва.

Размер взрывной воронки – диаметр по верху 3,2 метра, по низу воронки 2,7 метра, глубина – 1,2 метра».

И наконец, последний взрыв грохнул через сорок минут, на той самой улице Абдуллы Каххара, откуда, как выяснило следствие, машины отправились в свой смертоносный путь.

Из документов следствия:

«Место взрыва – частный дом № 22 по улице Абдуллы Каххара.

Время приведения взрывного устройства в действие – 12.00.

Взрывное устройство – заряд самодельного взрывчатого вещества весом до 1000 килограммов, уложенный в гараже дома № 22.

Параметры взрыва – ударная волна взрыва действовала на расстоянии 300 метров от эпицентра взрыва.

Размер воронки – диаметр по верху 6,7 метра, по низу воронки 3,2 метра, глубина воронки – 2,3 метра».

Таким образом, меньше чем за полтора часа в столице Узбекистана было взорвано две тонны самодельного взрывчатого вещества. Приехавшие на место взрывов работники милиции, прокуратуры, службы национальной безопасности (СНБ) пребывали если не в растерянности, то уж во всяком случае в недоумении – почему террористы выбрали для взрывов именно эти объекты? Если совершенно очевидным (разумеется, с предполагаемой точки зрения террористов)

казался объект – здание Кабинета министров, где в 11 часов должно было начаться важное государственное совещание, то оставалось совершенно непонятным предназначение четырех других взрывов, особенно частного дома на улице Абдуллы Каххара. Ситуация осложнялась тем, что в этот день не удалось задержать ни одного из участников террористического акта. К вечеру, когда была уже создана оперативно-следственная группа, версий скопилось примерно столько же, сколько и членов группы. И все же наиболее вероятной представлялась такая версия: «совершение террористического акта, направленного на физическое устранение президента и всего руководящего состава Республики Узбекистан, свержение в стране конституционного строя».

Глава седьмая

Наманган, декабрь 1991 года.

В этот день религиозные фанатики захватили здание бывшего Наманганского обкома партии. Ворвавшись толпой под предводительством Тахира Юлдашева, они первым делом потребовали приезда сюда президента Узбекистана. В центре зала был натянут под потолком огромный транспарант, на котором было начертано: «Да здравствует исламское государство!» На это сборище жителей Намангана сгоняли чуть ли не силой. Тем, кто пытался отказаться, ссылаясь на занятость или недомогание, грозили страшными карами. Возражать бандитам было небезопасно.

Сохранилась оперативная видеозапись того события: в зале, потупив глаза, сидят пожилые, явно напуганные люди; провозглашая свои лозунги, экстремисты заставляют скандировать их весь зал. И зал, подавленный этим напором, вторил: «Да здравствует исламское государство!» Просматривая недавно видеозапись, я обратил внимание, что сидящие там старики лишь едва-едва шевелили губами, только делая вид, что повторяют лозунги. Все происходящее вовсе не вызывало у них одобрения. Страх, однако, был сильнее. А вот молодежь с восхищением взирала на своего нового кумира – Тахира Юлдашева.

Из документов следственной группы Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан:

«Юлдашев Тахир Абдухалилович, 1967 года рождения, уроженец Наманганской области, узбек, гражданин Республики Узбекистан. В среде религиозных экстремистов известен под кличками Бай и Директор. В 1991—1992 годы в целях установления в Узбекистане исламского государства начал выступать активным сторонником ваххабизма. В связи с этим он вместе с Джумой Ходжи-вым (кличка Джума Намангани) выступил одним из организаторов, а впоследствии руководителем экстремистской организации «Тавба», члены которой участвовали в создании боевых вооруженных групп. Провозгласил себя лидером так называемой «Партии исламского возрождения Узбекистана» и «амиром». С целью избежания уголовного наказания в 1992 году выехал за

пределы Республики Узбекистан, организация «Тавба» перешла на не– легальное положение. Членами этой организации в 1994—1997 годах осуществлен ряд разбойных нападений и убийств представителей власти, работников правоохранительных органов и граждан Узбекистана. Проживая постоянно на территории Афганистана, Тахир Юлдашев постоянно проводит работу по вербовке в Узбекистане молодежи для обучения в лагерях боевиков в Афганистане, Таджикистане, Чечне, подготовке их к диверсионно–террористической деятельности. Свои действия Т. Юлдашев координирует с О.Назаровым (Обид–кори), Т. Эргашевым (Тулкин–кори), Шамилем Басаевым и Хаттабом.

В мае, июле, ноябре 1997года и в декабре 1998 года в Турции, Азербайджане и Афганистане участвовал в обсуждении путей захвата власти в Узбекистане.

В отношении Юлдашева Т.А. вынесено постановление о привлечении его к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных уголовным кодексом Республики Узбекистан: умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, разбой, терроризм, возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, посягательство на конституционный строй, организация преступного сообщества».

Создание экстремистских преступных организаций, так называемой «Партии исламского возрождения Узбекистана», грабежи и разбои, побег в Афганистан – все это было

позже. А тогда, в конце 1997 года, Тахир Юлдашев упивался своей властью над толпой. Его угрозы подействовали, никто не посмел ослушаться. Возглавив поначалу небольшую группу одурманенных наркотиками и водкой молодежи, Тахир не сомневался, что к ним примкнут и остальные. Непокорных он не опасался, те, кто попытался возражать, уже получили пару увесистых тумаков, и перед их лицами недвусмысленно засверкали остро отточенные ножи. И свою речь он начал тоже с угроз, чтобы все собравшиеся почувствовали силу:

– Когда мы создадим в Узбекистане исламское государство, мы разберемся со всеми, кто не верил в наше дело, с теми, кто не ходил в мечеть. Нам долгие годы закрывали рот, не давали говорить то, что мы думаем. Но теперь мы скажем все. Мы требуем, чтобы сюда приехал Ислам Каримов. Он же называет себя мусульманином, а здесь собрались все мусульмане. Вот пусть он приедет сюда и слушает нас. Мы выдвигаем пять условий, которые власти должны выполнить. Первое условие – сюда должен приехать Каримов. Второе условие – он должен поклясться на Коране в верности исламу и здесь, сейчас провозгласить исламское государство. Третье условие – посещение мечетей должно стать обязательным для всех мусульман, в том числе и для

руководителей государства, которые должны молиться вместе с народом. Четвертое условие – пятницу объявить праздничным нерабочим днем. И пятое условие – немедленное открытие религиозных школ.

После каждой произнесенной фразы Юлдашев поднимал глаза к небу и восклицал «Аллах акбар!», внимательно следя сквозь раздвинутые пальцы, весь ли зал повторяет за ним это заклинание.

О том, что происходит в Намангане, президенту Каримову доложили сразу же. Будучи по природе человеком решительным и волевым, он и на этот раз решение принял мгновенно: «Еду в Наманган». Помощники и руководитель службы безопасности президента пытались отговорить его от этого небезопасного шага, но президент распорядился: «Готовьте самолет». Уже через час он прибыл в Наманган.

Экстремисты, пьянея от собственной безнаказанности, сразу выдвинули еще одно условие: мы хотим говорить только с президентом, в зал пусть он войдет один. Ислам Абдуганиевич лишь пожал плечами и молча двинулся вперед. Одному из его телохранителей все же удалось проникнуть в зал, но это обстоятельство президента, казалось, ничуть не смутило. Внешне он выглядел совершенно невозмутимым, спокойно выслушал все возгласы и требования немедленно распустить парламент и подписать указ о провозглашении исламского государства. Ни один мускул не дрогнул на лице президента, когда обнаглевший Тахир Юлдашев заявил, что президент не выйдет из зала, пока не выполнит все эти требования.

А зал продолжал бесноваться, и первые слова Ислама Каримова потонули в невероятном шуме. Но президент гово-

рил нарочито тихо и в конце концов заставил себя слушать.

– Я не боюсь никаких угроз и пугать меня не надо, – начал Ислам Абдуганиевич. – Чтобы уйти сейчас отсюда, я мог бы обмануть вас, сказать, что согласен на все ваши требования, подписать указ и спокойно уехать, а потом отменить документы. Мог сделать и иначе – уехать отсюда, вызвать войска, милицию, и здесь бы быстро навели порядок. Но я президент, и я мужчина, я не бросаю слов на ветер, а привык держать свое слово.

Я действительно, как президент, подписываю государственные указы, – продолжал Ислам Каримов, убедившись, что все его внимательно слушают. – Но подписать указ об изменении в стране государственной власти – не в моих полномочиях. Эти вопросы решает Верховный Совет. Мы соберем заседание Верховного Совета, а вы пришлите в Ташкент своих представителей. Обещаю, что на заседании мы внимательно выслушаем все ваши аргументы и сообща примем решение. Так будет правильно, судьбу государства не должен решать один человек.

Нельзя, несправедливо называть народ стадом. Но там, в наманганском зале, было стадо. Стадо, покорное и, несмотря на выкрики, молчаливое, оцепеневшее от ужаса и страха и потому со всем согласное. И только когда заговорил президент, заговорил спокойно, размеренно, продумывая и тщательно взвешивая каждое слово, эти покорные рабы снова превратились в нормальных людей, сбросив с себя оцепене-

ние. Потому что человек, стоявший перед ними, говорил не с толпой, а с каждым отдельно.

Молчаливые расходились в этот день по домам наманганцы. Наверное, каждый из них задавался вопросом, как он мог попасть в зависимость от этих крикунов и какой бедой могло бы все это обернуться, если бы вовремя не приехал президент.

Поняв, что переворот не удался, Тахир Юлдашев поспешил бежать из Узбекистана. Но Ислам Каримов знал, что без боя Тахир и его приспешники не сдадутся. Знали это и в правоохранительных органах республики.

Глава восьмая

Ташкент, 17 февраля 1999 года.

Утро следующего после взрывов дня оказалось для меня, с точки зрения репортера, абсолютно потерянным. Ни в МВД, ни в прокуратуре, ни в СНБ я не сумел застать никого из тех, кто бы мог дать хоть сколько-нибудь полезную информацию. Вышедшие в этот день и поступившие в Узбекистан российские газеты пестрели самыми разнообразными, в основном кричащими, заголовками и изобиловали не столько фактами, сколько догадками и предположениями.

«Президента Узбекистана пытались взорвать» – под таким заголовком публиковала свою версию газета «Сегодня», которая сообщила читателям: «Десятки убитых, стоны раненых, частично разрушенный центр Ташкента – таковы пред-

варительные результаты серии мощнейших взрывов, потрясших вчера утром узбекскую столицу. Официальная версия случившегося – неизвестные лица предприняли неудавшуюся попытку покушения на главу государства Ислама Каримова. Однако имеющаяся в распоряжении «Сегодня» информация, в том числе и от уцелевших свидетелей взрывов, позволяет с полной уверенностью утверждать, что акция носила скорее устрашающий характер. Вероятно, ее целью было не устранение президента, а демонстрация силы и организационных возможностей. По мнению специалистов спецслужб, в Ташкенте все было организовано настолько масштабно, профессионально и тщательно, что если бы акция была направлена непосредственно на ликвидацию президента, его шансы выжить были бы равны нулю – за несколько минут до взрывов кортеж Каримова дважды проезжал в непосредственной близости от заминированных автомашин».

«...Вчера в Ташкенте прогремело не шесть, а семь взрывов... – говорилось в газете «Сегодня», – общее число жертв идет не на десятки, а на сотни...»

Свою версию случившегося высказал в статье «Террористы нанесли удар по центру Ташкента. Каримов обещает обрубить им руки» московский «Коммсантъ»: «Вчера в правительственном комплексе Ташкента прогремело несколько взрывов. По основной версии, мишенью терактов был президент Ислам Каримов.

...По сведениям из правительственных источников, вчера

в аэропорту задержали группу подозреваемых. Официальные власти уже обвинили в организации теракта исламских экстремистов и их покровителей за рубежом. Однако наблюдатели обратили внимание на то, что взрывы в столице Узбекистана последовали вскоре после выхода Узбекистана из Договора о коллективной безопасности СНГ. Да и врагов за последнее время президент Узбекистана нажил немало. И не только внутри страны, но и за ее пределами».

Прочитав еще несколько подобных же сообщений, я приуныл: похоже, моим российским коллегам уже ясны и мотивы теракта, и скрытые политические механизмы, которыми он был приведен в действие, и даже количество жертв. За разъяснениями я отправился в информационное агентство «Жа-хон» Министерства иностранных дел Узбекистана, при котором вот уже несколько лет аккредитован в качестве зарубежного корреспондента. Но и в МИДе мне ответили, что кроме обращения президента Каримова к народу с площади Мустакилик и кратких официальных сообщений, уже опубликованных в местной печати, никакой иной информацией не располагают. В МИДе еще раз подтвердили, что взрывов было пять, число погибших и раненых уточняется. Собственно, ничего иного я и не ожидал услышать всего через сутки после трагедии. Уточнив еще раз, где конкретно произошли взрывы, я решил сам побывать на местах событий.

Почти вплотную к зданию МВД примыкает жилой дом,

где в цокольном этаже расположена сто матологическая поликлиника. В этот день врачи были заняты непривычным для себя делом – убрали выбитые из всех окон стекла, пытались хоть как-нибудь привести помещение в порядок. Разумеется, ни о каком приеме посетителей и речи быть не могло. С одной из врачей я разговорился. Елена Львовна в тот день работала с восьми часов утра.

– Почти сразу после того как начали работу, у нас вышел из строя один электроприбор. Позвонили, вызвали электрика. А он все не шел, и мы страшно злились, – рассказала Елена Львовна. – Появился электрик только в половине одиннадцатого. У меня в это время был пациент, довольно сложный случай, и я целиком была поглощена своим делом. Потом что-то громынуло, мне даже показалось, что не очень-то и сильно. Уже после я сообразила, что взрыв показался несильным оттого, что уши заложило. Только помню, кто-то прикрикнул на электрика: «Ты чего там натворил?!» И сразу раздался звон разбитого стекла. Еще толком не сообразив, что произошло, мы все выбежали на улицу. Я все беспокоилась за своего пациента, тянула его за рукав, а он, растерявшись, никак не мог выбраться из стоматологического кресла. Уже на улице я обнаружила, что у него идет кровь, и увидела порезы, а также огромные куски стекла, которые почему-то оказались у него в спине. У меня даже страха не было, только удивление: я же, подумала, стояла над ним и заслоняла его, как же эти стекла могли попасть не в мою спину,

а в его. Но размышлять было некогда, я стала осторожно извлекать эти стекла, одновременно пытаюсь остановить кровь. Уже через несколько минут, во всяком случае очень быстро, подъехали машины «скорой помощи» и пожарные. Мы все стали обходить ближайšie дома – вы сами видите, их здесь вокруг очень много. Во всех домах были выбиты стекла, в некоторых – вместе с рамами. К счастью, погибших не было, а раненых, в основном от осколков стекол, было довольно много. Им всем оказывалась первая помощь, и их увозили в больницы. Видели мы и то место, где произошел взрыв. Говорят, что там стояла начиненная взрывчаткой машина, но мы увидели только воронку и куски какого-то железа. Может быть, это и было то, что осталось от машины. Но потом там поставили оцепление и больше никого не пускали.

Попрощавшись с врачами, я, уходя, бросил взгляд на настенные часы. Они покосились, и время на них значилось, судя по всему, вчерашнее – 10 часов 40 минут. Часы остановились в момент взрыва.

Подойти непосредственно к правительственному комплексу мне так и не удалось. Вооруженные милиционеры из оцепления были непреклонны.

– Ну и что, что вы журналист, – урезонивал меня офицер. – Там ведутся работы, саперы приехали, вдруг взрывчатка осталась. Вам что, собственная жизнь не дорога?

Впрочем, даже с того места, где стояло оцепление, видна была зияющая воронка. Перейдя по подземному переходу

к улице Шарафа Рашидова, я увидел, как заколачивают фанерой окна без стекол в здании, где находится клуб «Аладдин». Та же картина была и у здания Национального банка. Только на улице Абдуллы Каххара мне вновь удалось поговорить с одним из очевидцев. Старик был словоохотлив, ему не терпелось поделиться хоть с кем-нибудь не только увиденным, но и своими размышлениями по поводу случившегося. Узнав, что разговаривает с журналистом, мой собеседник, видно, настроился на обстоятельную беседу и первым делом повел меня вдоль по улице, чтобы показать дом, в котором живет.

– Видишь, сынок, это совсем рядом, – говорил он мне. ~~~ В тот момент, когда взорвалось, я был на улице, но слышал, как стекла задребезжали. Забежал в дом, смотрю —вроде все в порядке, ну я снова на улицу выскочил и пошел смотреть, где же такое случилось. Сначала подумал, что у кого-то из соседей газ взорвался, ну или еще что-то вроде этого. Но когда увидел вот этот дом, двадцать второй, то понял – здесь дела посерьезнее.

Вообще, в этом доме последнее время какие-то молодые ребята жили, – продолжал свой обстоятельный рассказ старик. – Хозяева – хорошие люди, они где-то под Ташкентом работают, там и живут теперь, а дом сдали: чего пустому стоять, опять-таки деньги всем нужны. Эти, ну жильцы новые, все на машинах приезжали, иностранных. Ну, сейчас таких машин в Ташкенте полно, так что ничего удивительного. А

вчера утром, еще до того как дом взорвался, тут еще один какой-то парень все ходил, что-то высматривал, с соседями о чем-то говорил, вроде искал кого-то. Потом возле двадцать второго дома остановился. Как раз машина туда подъехала, из нее тоже молодой вышел. Они о чем-то поговорили. Тот, что приехал, в дом вошел, недолго там пробыл и уехал. А второй еще немного покрутился, потом свернул за угол. И вдруг я вижу, он, представляешь, на дерево полез. Да так ловко, быстро. Я еще подумал, надо бы милицию позвать, вдруг воровать вздумал и высматривает, как во двор залезть. Но в этот момент и рвануло.

–А того парня, что на дерево лез, вы потом видели? – спросил я старика.

–Нет, больше не видел, да и не до этого было. Ты же сам видишь, что здесь было. Одно кафе полностью разворотило, из домов люди повыбежали. Крик, гам, не поймешь, что случилось. Потом, конечно, милиция приехала, пожарные, «скорая». Говорят, теперь те дома, что разрушены, за счет государства ремонтировать будут. Как думаешь, не обманут?

–Думаю, не обманут, – успокоил я его и попрощался.

Вечером мне все же удалось встретиться в прокуратуре с руководителем созданной в республике оперативно-следственной группы. «Рашиджон Хамидович Кадыров, заместитель Генерального прокурора Узбекистана, государственный советник юстиции третьего класса» – прочел я на табличке при входе в приемную.

—У меня, к сожалению, очень ограничено время. Сами понимаете, сейчас каждая минута на счету. — сказал он и добавил: — Это не просто слова, так оно на самом деле. У вас, наверное, есть вопросы.

—Сегодня в некоторых газетах опубликованы различные версии по поводу произошедших вчера взрывов. А какие основные версии существуют у специалистов розыска?

—Что касается газетных версий, при всем моем уважении к прессе, я не думаю, что сейчас время для домыслов, — ответил господин Кадыров. — Много неясно, мы обязаны проверить все, и я не вправе делиться с вами сомнениями. Ситуация слишком серьезна и, не скрою, неожиданна. Одно могу сказать твердо — мы работаем круглые сутки и будем так работать до тех пор, пока во всем не разберемся. Даже за эти тридцать с небольшим часов нам уже удалось кое-что...

—А нельзя ли поконкретнее?

—Нет, пока ничего конкретного сообщить не могу, не имею права. Следствие сейчас только делает первые шаги, любая утечка информации способна нанести непоправимый вред.

—Но вы же понимаете, господин Кадыров, что ваших обтекаемых ответов совершенно недостаточно для интервью. Нужны факты.

—А я и не собирался сегодня давать вам интервью. Просто уважил вашу просьбу о встрече. Если вы действительно хотите написать правду, а не собираетесь пичкать читате-

лей собственными вымыслами, то давайте встретимся, когда следствие будет закончено. Обещаю, что ничего не утаю.

–Беру с вас слово, – без всякого энтузиазма произнес я, понимая, что ухожу из прокуратуры ни с чем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧАСТНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Глава первая

УЗБЕКИСТАН-ИЗРАИЛЬ

Признаюсь откровенно, слова зампрокурора Узбекистана Рашитжона Кадырова о журналистских домыслах и вымыслах меня задели. Не в том плане, что во мне заговорили корпоративные амбиции, а в том, что один из руководителей мощнейшей правоохранительной службы недвусмысленно дал понять, что любая неточная информация может нанести вред следствию. И тут мне в голову запала шальная, на первый взгляд, мысль – провести собственное, журналистское, или, если угодно, частное расследование. И чем больше я об этом думал, тем сильнее овладевала мной эта идея. Конечно, я и не надеялся, что смогу разыскать реальных исполнителей теракта. Для этого нужно быть профессионалом розыска самого высокого класса. В сказки о том, как умный дилетант, наморщив лоб и чертя на листке бумаги логические схемы, разыскивает злостного преступника, я уже давно не верю. А вот вычислить тех, кто стоял за терактами в

Ташкенте, можно попробовать. В наш информационный век желающие поделиться информацией с тем, кто готов внимательно слушать, еще, слава Богу, не перевелись. И я решил предпринять собственный поиск.

Понимая, сколь непросто это будет, я старался прежде всего разобраться в том, что мною движет. Профессиональные или личные амбиции? Вовсе нет! Тогда что же? Наверное, коротко и не ответишь.

Я родился и вырос в Узбекистане, здесь получил образование, работал сначала в ташкентской многотиражной и андижанской областной газетах. Потом двадцать лет – день в день – проработал в республиканской газете «Правда Востока», заведовал отделом, был членом редакционной коллегии, стал лауреатом премии Союза журналистов, мне присвоили звание «Заслуженный работник культуры Узбекской ССР». Перечисляю здесь свои регалии без всякой тени смущения, ибо это – в данном контексте – не бахвальство по поводу личных заслуг, но свидетельство отношения власти к еврею, да еще к тому же и беспартийному, который на протяжении сорока лет ни разу не испытал в Узбекистане, что такое антисемитизм. И дело здесь, конечно же, не во мне одном. Наверное, следовало бы вспомнить и о тех десятках тысяч евреев, которые в годы Второй мировой войны нашли кров и хлеб в узбекских семьях, и о многом другом, что характеризовало нормальную безбедную жизнь евреев в Узбекистане. Но обобщениям я предпочитаю конкретные жизненные

примеры. Среди многих тысяч эвакуированных в годы войны попала в Ташкент и тринадцатилетняя девочка Рива, чей дом в Харькове рухнул от фашистской бомбы прямо у нее на глазах. И этой девочкой была моя будущая мама. Мой самый близкий друг детства – по национальности узбек. Мы все десять школьных лет просидели за одной партой и умудрились ни разу не посориться больше чем на полчаса. Его родители, а у них было десять собственных детей, называли меня «сынком», а моя мама никогда не покупала к 1 сентября один школьный портфель, а брала два и второй предназначался моему другу, который в нашем доме был полноправным членом семьи. Мой отъезд в Израиль не имел никакого касательства к существующему в Узбекистане общественно-политическому строю. Перед самым отъездом я получил официальное письмо из Президиума Верховного Совета республики, в котором меня уведомили, что звание заслуженного работника культуры за мной сохраняется, несмотря на изменение гражданства и постоянного места жительства. В Ташкенте у меня остались верные друзья, на здешних кладбищах – могилы моих родителей и родственников. И мне далеко не безразлично, что происходит в той стране, которая меня воспитала. А нелюди, посягнувшие на жизнь и благополучие тех, с кем я когда-то жил рядом, мне ненавистны так же, как и всем нормальным людям, живущим в Узбекистане. Но для того, чтобы бороться с бандитами, надо не только их разыскать, но знать тех, кто вложил в их руки оружие.

Перед самым отлетом из Ташкента мне удалось дозвониться до председателя неправительственного комитета по правам личности – Узбекской секции Международного общества прав человека Марата Захидова. Он уезжал на какую-то правозащитную конференцию в Германию, в Ташкент вернулся под вечер и на мою просьбу встретиться ответил ворчанием, что, мол, человеку с дороги отдохнуть не дают. Наконец Марат уступил моим настояниям, заявив, правда, что если я не угощу его хорошим кофе, то разговор вообще не состоится. К слову сказать, к чашке с ароматным кофе он даже и не прикоснулся. В Узбекистане Марат умудрился снискать себе славу человека неудобного и въедливого, вечно вмешивающегося в то, во что его не просят. Его и впрямь не надо просить. Если он сталкивается с нарушением прав человека, то хватку Захидова можно сравнить разве что с бульдожьей – да не обидит Марата такое сравнение.

Когда мы встретились, я не стал терять времени на предисловия, а спросил его напрямую:

–Марат, ты веришь, что за этими взрывами стоят религиозные экстремисты?

–Я не хочу в это верить, но вполне допускаю, что такое возможно.

–А почему не хочешь верить?

Понимаешь, это старая история. Насколько я знаю, ты еще жил в Ташкенте, когда у нас начали создаваться различные общественные, в том числе националистические и религиоз-

ные организации, партии, движения. Я не открою Америки, если скажу, что любая власть дряхлеет, когда не испытывает давления со стороны нормальной, здоровой, а главное – конструктивной оппозиции. И создание у нас в Узбекистане всяких движений и партий я воспринял как проявление истинной демократии. Возмущался, когда чиновники чинили им препятствия – а бывало и такое – в регистрации или в проведении каких-нибудь митингов. Но чем плотнее я общался с лидерами этих движений, тем больше убеждался, что их цели и методы ничего общего не имеют с истинной демократией. Они сами жаждали власти и считали, что для ее достижения все средства хороши. По своим убеждениям и даже по образу жизни я – интернационалист, если тебя не шокирует это затертое советской идеологией слово. Да, я узбек, всеми своими корнями я связан с Узбекистаном, с узбекским народом и считаю, что неограниченные возможности для национального самосознания – это величайшее благо демократии. Но я не приемлю самоопределения, которое ущемляет интересы других народов. Наша же так называемая оппозиция пошла именно по этому пути. Ты думаешь, они так уж сильно ненавидели русских, украинцев, евреев? Наверняка – нет. Просто считали, что скорее соберут вокруг себя народ, если будут играть на национальных струнах. Не воздействовать, а именно играть. И начали они эти свои «игры» с молодежи, то есть с тех, чьи души и умы еще не окрепли. Это людям с жизненным опытом понятно было, что их

истинные устремления – власть, а молодежь-то все принимала за чистую монету. Похоже, что угрозу, исходящую от этой псевдооппозиции, первым осознал Ислам Каримов. Надо сказать, что он не побоялся пойти на открытый конфликт с ними даже накануне президентских выборов, хотя из соображений личностных ему было бы проще со всем соглашаться. Но Каримов открыто заявил, что националисты хотят ввергнуть нас в пучину средневековья, затормозить развитие современного государства. Президентские выборы показали, что его позиция оказалась единственно верной – Ислам Каримов получил подавляющее большинство голосов.

–Марат, и все же ты не ответил, почему тебе не хочется верить, что за терактами в Ташкенте стоят религиозные экстремисты.

–Хорошо, поясню подробнее. Когда лидеры всяких националистических движений и партий убедились в том, что народ их все-таки не поддерживает, многие из них рванули на Запад и обосновались в разных европейских странах и в Турции. Поначалу их там привечали, помогали как-то обустроить жизнь, приглашали с лекциями в университеты, одним словом, относились как к серьезным оппозиционерам в изгнании. Потом, конечно, разобрались, что в их словах кроме пустозвонства и неприкрытой злобы ничего по сути конструктивного не содержится. Пропал интерес, кончились и дотации. И тогда эти люди стали пробавляться статейками в газетах, в основном обливая грязью Узбекистан и все, что у

нас происходит. В своей злобе они пускались на любые измышления, откровенную ложь, клевету, подтасовку фактов. Но о чем бы они ни писали, они все же утверждали, что ратуют за истинные демократические преобразования. Я, конечно, знал, что некоторые из них якшаются с экстремистами, что они не оставили своих притязаний на власть, но я верил, или скажу так – очень хотел верить, что у них никогда не поднимется рука против собственного народа. Ну ладно – злобные нападки в прессе, призывы хотя и к свержению существующей власти, но все же демократическим путем. Но взрывы, гибель людей – нет, такого я допустить не мог даже в самых страшных предположениях.

– Не мог допустить или не допускаешь и теперь?

– Факты, как тебе известно, упрямая вещь, – ответил Марат Захидов. – Конечно, будет следствие, разберутся, я надеюсь. Но я не вижу никакой иной силы, которая могла бы решиться на такое. И это означает только одно: в стремлении узурпировать власть они презрели даже собственный народ. Они говорили, что хотят управлять страной, а на самом деле показали, что стремятся к полному порабощению этого самого народа, которым, так надо понимать, хотят помыкать, как собственными рабами.

Глава вторая

КОМПЬЮТЕРНЫЙ ПОИСК

С чего начинается современное расследование? Разумеет-

ся, с «Интернета». В мире практически не осталось секретов, которые нельзя было бы обнаружить в этой всеобъемлющей информационной сети. В «Интернете» при желании и наличии свободного времени можно найти сведения о чем угодно – от производства новых сверхэластичных женских колготок до создания ракет. Даже некогда суперсекретные спецслужбы ныне пользуются «Интернетом». В любой американской газете можно прочитать интернетовские адреса ЦРУ и ФБР. Разделы «Терроризм» в сайтах этих спецслужб забиты информацией столь плотно и обновляются с такой быстротой, что поначалу я пришел в ужас. Даже для того, чтобы просто прочитать всю имеющуюся информацию, понадобилась бы уйма времени. Впрочем, возможности нынешних компьютеров столь безграничны, что умная машина и здесь пришла на помощь. Сориентированный на конкретный целенаправленный поиск, компьютер услужливо выдавал нужную информацию, которую теперь предстояло еще раз просеять через «сито» моего сугубо территориального интереса и проанализировать.

Из справки следственной группы Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан:

«Мадаминов Салай (Мухаммад Солих), 1949 года рождения, уроженец Хорезмской области, узбек, образование высшее, в 1975 году закончил факультет журналистики Ташкентского государственного университета, лидер партии «Эрк» (переводится как «свобода», «воля»),

В 1994 году подвергался уголовному преследованию по обвинению в том, что он, являясь лидером партии «Эрк» и создав вокруг себя устойчивую преступную группу лиц из числа единомышленников, позже организовал заговор с целью захвата власти, издавал и распространял материалы, содержащие призывы к насильственному изменению конституционного строя, захвату власти. Организовал незаконный выезд граждан за границы Республики Узбекистан с целью их идейного воспитания и подготовки в качестве боевиков. В этих целях организовал изготовление заграничных паспортов по подложным документам.

В связи с тем, что С. Мадаминов скрылся от правоохранительных органов 26.08.94 г., в отношении него избрана мера пресечения в виде заключения под стражу и объявлен розыск.

Неоднократно посещал Турцию, Афганистан, Объединенные Арабские Эмираты, где вступал в контакты с также скрывающимися Т. Юлдашевым, Д. Ходжиевым... для координации с ними действий, направленных на насильственное изменение конституционного строя Республики Узбекистан».

Эту справку из прокуратуры Узбекистана я получил уже позже, когда следствие было завершено. Но свое частное расследование я начал именно с Салая Мадаминова не случайно. Уже первая поступившая ко мне информация свидетельствовала о том, что он в кругу не таком уж и узком послед-

нее время поговаривал о том, что вернется в поверженный Узбекистан президентом нового исламского государства.

С Салаем Мадаминовым знаком я был шапочно – так, несколько раз встречались то в редакции литературного журнала, то в Союзе писателей, то просто на каком-нибудь творческом сборище, или, как теперь говорят, тусовке. Он предпочитал, чтобы называли его избранным им псевдонимом – Мухаммад Солих. Именно так подписывал он свои стихи, хотя псевдоним этот вызывал у знатоков литературы ироничные усмешки. Мухаммад Солих был выдающимся поэтом Древнего Востока, и как-то один из писателей по поводу избранного Салаем псевдонима высказался так: «Назваться современному узбекскому поэту Мухаммадом Солихом все равно, что начинающему российскому прозаику подписывать свои опусы «Лев Толстой». Высказывание сие стало общеизвестным, над Салаем подтрунивали, он же пропускал иронию мимо ушей, постепенно шутки пошли на убыль, а звучный псевдоним за средненьким поэтом так и закрепился. Стихи Салая отличались тем, что центральное место в них всегда отводилось ему самому. Он, его личность, его переживания, его роль в мироздании – вот что было постоянной темой этих стихов. Впрочем, я не литературовед, и мое мнение по поводу стихов вряд ли можно считать авторитетным. Да это и не мнение вовсе, а так, скорее личное восприятие.

Был Салай в годы нашего знакомства всегда отменно веж-

лив и приветлив, при разговоре старательно улыбался, вот только глаза под густыми бровями всегда оставались холодными, что производило какое-то неприятное, даже тяжелое впечатление. Став лидером «Бирлика», изменился разитель-но. В его интонациях появились властные нотки. Не на митингах, а в беседах частных говорил он теперь тоном снисходительным и в то же время надменным. Когда Мадаминов выставил свою кандидатуру на пост президента Республики Узбекистан, один из его коллег по Союзу писателей спросил недоуменно:

—Послушай, ты что же, считаешь, что сможешь руководи-ть государством? Ведь для этого надо обладать глубочай-шими знаниями в политике, экономике, ну и в чем-то еще, наверное. Нужен, в конце концов, элементарный жизненный опыт.

Подобное обращение явно не понравилось новоиспечен-ному претенденту на президентский пост, и он ответил над-менно и ничуть не смущаясь:

—Да, я готов возглавить государство. И что такое государ-ство? Это народ, а народу я нужен.

Ну, это Салай Мадаминов считал, что он нужен народу, народ же рассудил иначе, и выборы Мадаминов проиграл с треском. Возглавляя к тому времени партию «Эрк», которую сам провозгласил демократической, Мадаминов не ограни-чивал себя никакими измышлениями, клеветническими за-явлениями. Его публикации были насыщены откровенной

злостью, зачастую неприкрытыми оскорблениями в адрес законно избранного президента, всей государственной власти.

Это было уже второе поражение Салая. Первый раз он потерпел фиаско, когда, по сути дела, нахрапом пытался захватить власть в существовавшем тогда Верховном Совете Узбекской ССР. Объединившись с лидерами некоторых других общественных движений, проповедовавших национализм, Мадаминов призывал к созданию национального правительства, неподчинению существующим законам. В Верховный Совет он являлся в те дни с видом полноправного хозяина, пытался давать какие-то указания депутатам ВС. Его пытались поначалу образумить, разъясняли как несмышленишу, что Верховный Совет является органом выборным - все было тщетно. Мадаминов пытался создать свой собственный – ни больше ни меньше – Верховный Совет, и кончилось дело тем, что против него возбудили уголовное дело и взяли подписку о невыезде. Прокуратура не сочла тогда нужным арестовывать «демократа», справедливо рассудив, что дальнейшие призывы к изменению власти он пока еще не пошел и к реальным действиям по свержению власти не приступал. Полагали, что предупреждение в виде подписки о невыезде заставит Мадаминова призадуматься. Он и призадумался, выдвинув на законном основании свою кандидатуру на пост президента страны.

В 1994 году было возбуждено уголовное дело против одного из активистов партии «Эрк» – Бекжанова Каххара. В

суд поступило заявление из краеведческого музея Каракалпакии, что Бекжанов взял там, под предлогом реставрации, древнюю золотую монету, представляющую историческую ценность, и не вернул ее музею. Суд состоялся в Каракалпакии, и во время суда Бекжанов рассказал, что монету эту он передал Салаю Мадаминову, а тот ее присвоил. Мадаминова хотели допросить по этому эпизоду, но он исчез. Позже выяснилось, что несмотря на подписку о невыезде, Салай выехал в Казахстан, оттуда в Азербайджан, а уж из Азербайджана переправился в Турцию, где и обосновался. Районный суд возбудил против Салая Мадаминова уголовное дело по факту мошенничества и объявила его в розыск.

В Стамбуле Мадаминов поселился в азиатской части города, в доме № 3 по улице Лаван, где его охотно приютил подданный Саудовской Аравии Зухреддин Туркестони. Сам хозяин дома жил в основном в Германии и был известен как приверженец идеям религиозного экстремизма. Туркестони вынужден был покинуть Саудовскую Аравию, так как ее власти сочли нежелательным его пребывание в этой стране.

Прошло несколько лет, и в 1998 году власти Турции известили Мадаминова о том, что его пребывание здесь нежелательно. Салай начал путешествовать. У него появился новый паспорт, а скорее всего даже не один. В паспорте в графе «имя» записано: Мухаммад Салих, в графе «фамилия» значится: «Беглар». В имени Мадаминов изменил всего лишь одну букву, вместо «Солих» написал «Салих», но на Востоке

зачастую изменение только одной буквы придает имени или фамилии совершенно иное звучание и смысл. С фальшивым документом Мадаминов побывал в Румынии, Казахстане, Киргизии, на Украине, в России. По окончательно неподтвержденным сведениям, в Москве Мадаминов встречался с видными российскими политиками.

Весной 1998 года Мадаминов решил обосноваться на Украине. У его жены – Светланы Березняцкой – родственники живут в городе Счастье Луганской области. И супруги отправились туда. Впрочем, супруга Мадаминова только к себе на родину въезжала под своей истинной фамилией. К тому времени у нее тоже появился фальшивый паспорт, в котором она значится как Оймиде Беглар. Турецкое имя Оймиде по смыслу можно перевести на русский язык как Светлана. Супруги прописались сначала в Киеве, где купили квартиру, а затем в Луганской области, подали властям прошение о предоставлении им вида на жительство на Украине. Есть все основания полагать, что помощь в этом им оказывали активисты украинской националистической организации РУХ, а скорее всего даже не «руховцы», а экстремисты НУАНСО.

Мне удалось встретиться с одним из видных украинских политиков, который приехал в составе крупной делегации в Израиль. Человек этот вплотную занимается изучением деятельности украинских националистических организаций, и мои вопросы его ничуть не удивили.

– В свое время я выступал с резкой критикой деятельности националистических организаций, считая, что это позор для любого государства, провозгласившего себя правовым и демократическим, – рассказал мой собеседник. – Меня клеймили позором, называли врагом украинского народа (как знакомо! – О.Я.), даже угрожали физической расправой, подбрасывая различного рода письма. Один раз возле моего подъезда даже собралась группа фашиствующих молодчиков. Два года назад от РУХа отделилась организация, которая назвала себя НУ-АНСО – украинская национально-освободительная армия. Тогда эту «армию» возглавлял некий Николай Бойчишин. НУАНСО организовала на Украине подготовку боевиков, и в их лагерях, по данным наших спецслужб, собиралось до трех тысяч человек, из которых готовили явных диверсантов и террористов. Есть сведения, что лидеры НУАНСО были тесно связаны с лидерами террористических и экстремистских организаций других стран. И если узбекским религиозным экстремистам, приехавшим на Украину, кто-то мог и хотел помочь, то это только они.

Хотя Мадаминов попал в поле зрения различных спецслужб еще несколько лет назад, против него не предпринимали никаких решительных мер. Обтекаемая формулировка «лидер узбекской оппозиции» служила для него неплохим прикрытием. И хотя на различных встречах Мадаминов распространялся о том, что где-то в Центральной Азии только и ждут его команды сотни хорошо обученных и до зубов во-

оруженных боевиков, что для борьбы с режимом Республики Узбекистан он готов привлечь значительные материальные средства, дальше слов дело не шло, и разведки разных стран по отношению к Мадаминову ограничивали свою деятельность лишь тем, что достаточно пассивно следили за его продвижением.

Глава третья

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА-1

Если в первые дни только компьютерная программа поиска помогала мне выуживать из бездонного информационного моря материалы, касающиеся Узбекистана, то уже буквально дней через десять я обнаружил совершенно очевидную тенденцию – центральноазиатский регион четко выделялся в обособленный раздел «Интернета». Теракт, совершенный 16 февраля в Ташкенте, продолжал оставаться в центре внимания спецслужб, аналитиков, политологов и СМИ многих стран мира. Короткие сообщения информационных агентств густо перемежались публикациями различных, порой самых фантастических версий. Однажды, пытаясь проанализировать материалы, появившиеся в «Интернете» за одни только сутки, я уловил некую тенденцию. У меня возникло ощущение, что чья-то невидимая рука как бы направляет весь этот поток в единое русло, создавая или во всяком случае пытаюсь создать некое общественное мнение.

И это мнение должно было свестись к тому, что в Узбекистане пытаются преувеличить масштабы и реальную опасность произошедшего, выставляя виновниками явно не те силы, которые на самом деле руководили подготовкой взрывов. Кому-то, и это проглядывалось уже совершенно отчетливо, хотелось увести в сторону как общественное мнение, так, вполне возможно, и проходившее в Узбекистане расследование.

Вот несколько таких сообщений:

«Узбекистан. Президент. Терракт. Фундаменталисты, – выдавал поисковую информацию «Интернет». – Президент Узбекистана И. Каримов заявил о причастности к терактам в Ташкенте 16 февраля исламских фундаменталистов, а также о подготовке узбекских террористов в Чечне, Таджикистане и Афганистане».

Следующая информация гласила:

«Россия– Чечня-Узбекистан – Терракт. Официальный Грозный требует от руководства Узбекистана объяснений в связи с заявлением президента Узбекистана Ислама Каримова об участии в совершенном против него теракте наемников, прошедших подготовку в Чечне. Грозный. Президент Чечни Аслан Масхадов

потребовал от руководства Узбекистана «представить конкретные данные, подтверждающие заявление президента Ислама Каримова об участии в теракте, совершенном против него, подготовленных в Чеченской Республике наемни-

ков». Как говорится в официальном заявлении пресс-секретаря президента ЧР Майрбека Вачагаева, сделанном по поручению главы республики, «для такого рода заявления должны быть веские основания, в связи с чем мы надеемся получить официальную информацию по этому поводу». При этом Вачагаев напоминает, что Аслан Масхадов всегда выступает против терроризма и проявляет готовность бороться с ним в любых его проявлениях. В то же время в заявлении пресс-секретаря отмечается, что чеченское руководство «намерено принять соответствующие меры для искоренения практики порочащих республику заявлений – от кого бы они не исходили, если выяснится, что последнее заявление было сделано с намерением представить Чечню как регион, где базируются террористические организации».

Уже из следующего сообщения было понятно, что чеченские власти сделали сие угрожающее заявление, придав ему вид официального, без всякого согласования с российскими федеральными властями. И узбекский МИД отреагировал на это должным образом, проявив отменную выдержку:

«Фамилии граждан Узбекистана, подозреваемых в совершении терактов в Ташкенте, и конкретные данные об их пребывании в Чечне, где они проходили боевую подготовку, могут быть доведены до сведения чеченского руководства через соответствующие Федеральные органы России. Об этом заявил корреспонденту РИА «Новости» компетентный источник в МИДе Узбекистана. Как подчеркнул источник, «мы

далеки от мыслей обвинять чеченцев в проведении терактов в Узбекистане, однако в то же время располагаем данными о том, что граждане Узбекистана проходили боевую подготовку на территории Чечни».

Прошло буквально несколько часов, и «Интернет» уже выдал новое сообщение:

«Махачкала. На контрольно-пропускном посту Герзельский в Хасавюртовском районе при попытке перейти с оружием Дагестано-Чеченскую административную границу были задержаны трое узбеков. У них изъято три пистолета и граната Ф-1. Из беседы с задержанными выяснилось, что они находились на территории Чечни, где обучались военному делу. Тем самым подтверждена информация о том, что в Ичкерии люди готовятся к боевым действиям, получают уроки проведения разведки, организации засад, навыки военной топографии. Эти сведения правоохранные органы Дагестана получили недавно, когда там задержали гражданина Узбекистана, при котором были обнаружены конспекты лекций, записанные в одном из боевых учебных центров на чеченской территории».

А далее был помещен комментарий, который, где косвенно, а где и прямо, подтверждал уже собранную мной информацию, касающуюся Салая Мадамина (Мухаммада Солиха):

«Россия тоже внесла свою скромную лепту в борьбу с ташкентскими подрывниками. На границе Чечни и Дагестана

задержаны трое граждан Узбекистана, которые обучались в боевых лагерях небезызвестного полевого командира Хаттаба. Их немедленно выдали Узбекистану. Один из них признался, что дважды прошел хаттабовские «курсы» в 1998 году. Года полтора назад Сергей Степашин, бывший в то время министром внутренних дел России, подписал в Ташкенте соглашение с узбекской стороной о совместных усилиях по борьбе с религиозным экстремизмом. Видимо, спешную выдачу трех задержанных Узбекистану можно объяснить и этим. Но есть и еще одна причина. Обвиняемым номер один в деле о заговоре про ходит известный оппозиционеру лидер запрещенной в Узбекистане партии «Эрк» (Воля) Мухаммад Солих. Поэт и переводчик Солих был соперником нынешнего президента Каримова на выборах 1991 года, но проиграл. Он выехал из Узбекистана в разгар очередной кампании борьбы с оппозицией, жил в Турции... Он обретается, по слухам, то на Ближнем Востоке, то в Европе. В Ташкенте Солиха объявили главным заговорщиком, связанным с афганскими талибами и международными радикальными исламскими группировками. После устранения Каримова он должен был вернуться с чужбины на белом коне. Так вот, имя Солиха оказалось связанным с Москвой. Он дважды за прошлый год побывал в российской столице, причем осенью прошлого года якобы встречался с Александром Лебедем и с кем-то в Кремле. Кто был таинственным собеседником опального узбекского оппозиционера – неизвестно».

Сам неопределенный тон этого комментария, я уж не говорю о фактах, вызывает чувства совершенно противоречивые. С одной стороны, комментатор вполне допускает возможность участия Солиха в заговоре, с другой – считает его оппозиционером, то есть человеком, чьи действия оправданы? Весьма двусмысленна и ссылка на экс-министра внутренних дел и экс-премьера правительства России

Сергея Степашина. Получается, что только связанный «кабальным» договором с Узбекистаном, Степашин вынужден был отдать распоряжение о выдаче задержанных граждан Узбекистана официальному Ташкенту. А то, что у граждан обнаружены пистолеты, граната и получено подтверждение тому, что они обучались в лагерях «полевого командира», а попросту бандита и наркодельца Хаттаба, – это все мелочи, не берущиеся в расчет.

«Скоро дойдет до того, что и сами террористы начнут делиться своими мыслями через «Интернет», подумалось мне, и тут же мысль моя нашла подтверждение. 2 марта 1999 года в 8 часов утра Би-би-си передала из Лондона:

«В Узбекистане продолжается розыск 5 человек, подозреваемых в организации серии взрывов в Ташкенте 16 февраля, в результате которых погибли 15 человек и более 130 были ранены. После того как за помощь в поимке террористов было обещано 240 тысяч долларов, один из них был арестован. Руководство республики считает возможным, что организаторами взрывов могли быть экстремистские исламские

группировки, действующие в стране и за рубежом. Однако существует мнение, что за взрывами может стоять коалиция светской и исламской оппозиции. Вот как отреагировал на это лидер Исламской партии Узбекистана Тахир Юлдашев: – У нас нет никаких сомнений в том, что рано или поздно мы построим в Узбекистане исламское государство»

По данным западных спецслужб, которые я почерпнул все в том же «Интернете», Тахир Юлдашев после серии ташкентских взрывов предположительно скрылся в Афганистане. Ну что ж, Би-би-си еще раз подтвердила высокий профессиональный уровень своих журналистов, а также их полную готовность брать интервью у кого угодно, даже у объявленных в международный розыск преступников. Подтверждая это, Би-би-си вскоре поделилась подробностями о жизни и другого религиозного экстремиста – Джумабая Ходжиева, известного под кличкой Джумы Намангани:

«Правительство Таджикистана и руководство объединенной таджикской оппозиции заявили, что на территории Таджикистана нет людей, которые могли быть причастны к взрывам, прогремевшим в Ташкенте. Пресс-секретарь главы таджикской республики ЗаTM фар Сеидов заявил, что руководство Таджикистана уже неоднократно информировало руководство Узбекистана о том, что человек по имени Намангани не находится в Таджикистане, а скорее всего он и члены его бандг-руппы находятся на территории сопредельного Афганистана. Командир вооруженных сил таджикской

оппозиции Пазылхужа Низамов заявил, что Джума Намангани базировался со своими сторонниками на востоке Таджикистана в годы гражданской войны в республике и выступал на стороне таджикской оппозиции против правительственных сил республики. Однако последние два года он находится в Афганистане,

Как известно, президент Узбекистана Ислам Каримов не раз, особенно после февральских событий в Ташкенте, заявлял, что в Восточном Таджикистане находятся базы подготовки узбекских диверсантов, одним из руководителей которых является сбежавший в 1992 году из Узбекистана Джума Намангани... Сегодня Таджикистан заинтересован убедить Ташкент в том, что он не держит за пазухой камня против своего соседа, И в Узбекистане, и в Таджикистане есть немало людей, которые считают, что узбекская исламская эмиграция в Таджикистане является фактором угрозы стабильности в регионе, своеобразной пятой исламской колонной. Проблема, однако, и в том, что многие узбекские эмигранты обзавелись здесь семьями, породнились с таджикскими моджахедами. Согласно исламским традициям, позволяющим иметь четырех жен, некоторые из узбекских бойцов взяли в жены вдов своих погибших друзей и усыновили их сирот. Так, Джума Намангани живет с голубоглазой красавицей горянкой таджичкой из Язгуляма. Годы, проведенные в заснеженных горах, перенесенные лишения, а также личные качества Джумы Намангани сблизили его с бывшим главно-

командующим таджикской вооруженной оппозиции, а ныне министром МЧС Таджикистана Мирзо Зиеевым, и сделали их ближайшими друзьями. К тому же Джума Намангани удостоен редкой чести со стороны лидера таджикской оппозиции Сайда Абдул-ло Нури, который назвал его своим приемным сыном. Так что таджикскую оппозицию, как последнего гаранта невыдачи узбекских исламских бойцов Ташкенту, связывает теперь с узбекской и моджахедами не только родство духовное, но и кровное».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.